

Фан Дайчуань не растерялся и спросил: "Какая связь между пивным животом и делом более чем десятилетней давности? Почему ты убил его первым?"

"Он и старик Чэнь тогда оба были изыскателями в Геологическом институте. Они не делали никакого зла, но иногда невежество может принести больше вреда, чем активное зло, как заноза в плоти". Ли Синиан поднял брови.

Фан Дайчуань вспомнил, что когда он был в машине, старина Чэнь сказал ему: "Каждый раз, когда я берусь за новую работу в местах, где нет сигнала, где даже птицы не гадят, я загружаю в телефон несколько передач, связанных с боями против японцев. Я видел тебя несколько раз". В то время он наивно полагал, что собеседник - это актер старшего поколения. Оказалось, что каждый раз, когда он брался за работу, он на самом деле отправлялся на поиски.

"Они заметили действия моего отца, директор Ниу спросил их об этом, и они без зазрения совести бросили моего отца под автобус", - продолжал усмехаться Ли Синиан, - "Они заслужили это".

Когда дело близилось к концу, Фан Дайчуань стал спокойнее, а его глаза впелись в Ли Синиана: "Позволь мне задать тебе два последних вопроса".

"Во-первых, как ты определил роль пивного живота?"

Ли Синиан сказал с очень слабой улыбкой: "Я догадываюсь". Он посмотрел на зрителей после прочтения карт. У него либо очень хорошая карта, либо волк. Я бросаю приманку, говоря, что оборотни не должны убивать людей. Давайте вернемся вместе живыми. Он первым откликнулся. Когда оборотни услышали это предложение, они определенно засомневались. Они не желают отказываться от своих преимуществ ради других. Только фракция деревенских жителей хочет жить в мире до конца. Я полагаю, что ты ведьма, и я хочу найти больше особых ролей, поэтому я остаюсь рядом с тобой, чтобы завоевать твое доверие".

Фан Дайчуань выслушал и некоторое время молчал, а затем спросил дрожащим голосом: "Второй вопрос, - он глубоко вздохнул, - ты узнал меня в аэропорту, почему ты позволил мне приехать на этот остров?"

Ли Синиан повернул голову и посмотрел в окно, вспоминая сильный дождь. Дождь был настолько сильным, что снаружи в окно врывалась фигура с яркой улыбкой и поникшими глазами, невинная и решительная, в тот момент ему казалось, что он встретил свою судьбу.

"Я узнал тебя и вспомнил, что твои родители - сотрудники полиции. Ты сказал, что получил приглашение поехать на остров, и у меня сразу возникли подозрения. Я подумал, не имеют ли твои родители отношения к этому делу тогда и не замешаны ли в нем на этот раз ты. Но ты невиновен, и это моя вина, что я заподозрил и втянул тебя в этот путь без возврата". сказал он глубоким голосом.

Фан Дайчуань наконец-то понял, почему среди стольких людей Ли Синиан, казалось, выбрал именно его и сблизился с ним.

Он не мог понять, в чем дело, поэтому первым подошел к нему. И так, был первый жест доброй воли, преднамеренный подход, чтобы испытать воду, пошаговое вхождение и тщательное наблюдение.

Ли Синиан вспоминал эти семь дней - всего одна неделя, а кажется, что целая жизнь. Он холодно наблюдал, как тот пытался всех спасти, как наивно выставлял себя дураком, как мало-помалу заманивал его в свою ловушку, и наконец увидел, как тот совершил прыжок веры, и последний тонкий лед в его сердце был безжалостно разбит. Он прислонился спиной к спине другого мужчины и вздохнул: "Хорошо". С тех пор он смирился со своей судьбой.

Фан Дайчуань говорил твердо, уже зная, с чем ему придется столкнуться. Он немного подумал и добавил Ли Синиану: "Даже если я отравлюсь по дороге, противоядие будет передано тебе. Это я обещаю. Я не нарушу своего обещания".

Ли Синиан мгновенно отреагировал. Он прислонился к его плечу и негромко рассмеялся.

Ли Синиан прижался лбом к спине Фан Дайчуаня, вздохнул и тихонько покачал головой.

В невидимом для всех месте он повернулся к спине Фан Дайчуаня и тихо сказал: "Хорошо...".

Фан Дайчуань не понимал, что он сказал, от чего Ли Синиан только что отказался и какой выбор он только что сделал. Под покровом темноты Ли Синиан скользнул пальцем вверх и сжал руку Фан Дайчуаня своей тыльной стороной.

Сожаление. Если бы в тот момент у него не было никаких сомнений...

Если бы Фан Дайчуань успел на самолет, если бы он благополучно отправился на съемки варьете, он никогда бы не испытал такого волнующего переживания, а ему не пришлось бы сталкиваться с такой дилеммой.

Ли Синиан выглядел расстроенным.

"Ты снова мне солгал". Голос Фан Дайчуаня был похож на морской бриз за окном, ужасно спокойный. Его глаза были острыми, он пристально смотрел на Ли Синиана, но его голос был очень мягким: "Если ты действительно босс, как ты можешь не знать, что я не получал приглашения на остров!!!"

Ресницы Ли Синиана затрепетали.

"Я знаю, что ты хочешь сделать, Ли Синиан, ты не сможешь меня обмануть". Фан Дайчуань достал из кармана брюк бутылку с ядом и вытащил медную пробку.

"Я не дам тебе того, чего ты хочешь". Слабо улыбнувшись, он взмахнул правой рукой и одним быстрым движением бросил бутылочку с ядом в окно от пола до потолка, отчего стекло с треском разбилось! Разбитые осколки сверкнули в солнечном свете резким светом.

Ли Синиан уставился на разбитое стекло и застыл на месте.

"Разве ты не хочешь проверить человеческую природу? Говорю тебе, в этом мире есть чертovsky идиоты вроде меня, непокорные и неуступчивые, так что давай, убей меня, я докажу тебе своей жизнью. Ты можешь, блядь, выиграть игру, но ты никогда не докажешь, что человеческая природа зла. Ты проиграл пари".

"Ты, блядь, убьешь меня сейчас", - Фан Дайчуань поднял глаза и посмотрел прямо на Ли Синиана, с гневной дугой в углу рта, - "Давай. Зарежь меня до смерти!"

За окном раздался громкий удар, и вилла содрогнулась.

Море зашумело, отступило далеко, а затем внезапно поднялось. Под ним бурлила разрушительная сила.

Однако ни один из двух людей в комнате не пошевелился. Столкнувшись лицом к лицу, они сняли перчатки.

Ли Синиан горько улыбнулся, подумав: "Я проиграл давным-давно. В ту ночь, когда ты спрыгнул вниз, я проиграл добровольно и без сожалений".

Лицо Ли Синиана было мрачным, он все еще стоял на том же месте. Никто не знал, что под его глазами постепенно образовался тонкий слой тумана.

Фан Дайчуань сделал шаг вперед, острый стальной наконечник вонзился в его мягкую шею, еще шаг - и он бы прорезал плоть и наполнил ее ядом.

Ли Синиан рефлекторно сделал шаг назад. Фан Дайчуань крепко сжал его запястье.

"Ты всегда такой, - голос Фан Дайчуаня захлебывался, но глаза были широкими и круглыми, упрямо не позволяя слезам катиться по глазам, - притворяешься неподвижным, как гора, а сам все просчитываешь. С твоим характером, Ли Синиан, если ты действительно хочешь убить меня, ты займешься со мной сексом? С твоей гордостью, ты согласишься удостоверить личности каждого, прежде чем что-то сделать? Ты заставляешь меня это делать, да??? Ты, блядь, хочешь, чтобы я тебя убил! Не так ли!"

Фигура Ли Синиана слегка покачнулась.

"Ты думаешь, что мы знакомы всего семь дней, поэтому я могу быть обманут тобой. Ты, мать твою, смотришь на меня свысока, Фан Дайчуань, и ты сам смотришь на себя свысока". Он произнес каждое слово властно.

Ли Синиан покачал головой и горько улыбнулся: "Нет, я высокого мнения о себе".

Цянь Чжуншу сказал: Порочность преданных и честных людей, как гравий в рисе или неочищенные шипы в рыбном филе без костей, доставит людям неожиданную боль. Сейчас кажется, что порочность преданных и честных людей все еще не может сравниться с порочностью честных людей, совершающих преступления.

На первый взгляд он может показаться глупым, но он это понял.

Поскольку в моем сердце горит вечное пламя света, я никогда не боюсь окружающей меня тьмы.

Он склонил голову и жалко улыбнулся, опустив руку.

Морской бриз проникал через отверстия в окнах от пола до потолка, и запах серы в воздухе становился все тяжелее.

"Если ты не хочешь говорить, я скажу за тебя, - Фан Дайчуань протянул руку, чтобы скрыть слезы, его лицо напряглось, - С самого начала ты давал нам выход, ты говорил, что никто ничего не должен делать, ждать седьмого дня, и самолет прилетит, чтобы забрать всех вместе. Ты ничего не делал, пока Дин Цзыхуэй не закричала на втором этаже, барабаны войны уже били, а ты, сами того не зная, убил пивной живот. Ты был в саморазрушительном настроении, отравлен волками, угрожаем охотником, голосуешь за себя. Ты ищешь смерть на каждом шагу, бесчисленное количество раз ставя себя в опасную ситуацию. Конечно, ты не знаешь наших личностей, все тянут карты наугад, ты не можешь проверять людей и никогда не был в комнате волков. Вы включили себя в список врагов, балансируя на тонкой проволоке, твоя жизнь висит на волоске. Разве так поступит хладнокровный и расчетливый босс?"

Глаза Ли Синиана вспыхнули, губы скривились в печальной улыбке, которая не достигла его глаз.

Бах -

Раздался выстрел.

Фан Дайчуань был шокирован!

Ли Синиан обнял левую руку, не в силах стоять на месте от боли, его колено шлепнулось на землю. Снайперская винтовка в углу была нацелена на его левое плечо. Голова Фан Дайчуаня гудела, глаза потемнели, и он рефлекторно сделал шаг вперед.

"Назад!" Ли Синиан поднял голову и закричал! На его лбу выскочила синяя жилка, глаза были спокойны, несмотря на сильную боль, но в то же время это пугало. Фан Дайчуань никогда раньше не видел Ли Синиана с такой стороны.

Он остановился на месте, когда из уголка его глаза скатилась крупная слеза: "Как, как это может быть..." он стряхнул слезу и повернул голову, чтобы заставить себя посмотреть в камеру, ругаясь: "Вы что, совсем охренели!".

Ему ответили снайперские винтовки в углу комнаты, четыре штуки, все одновременно нацеленные на него.

"Не трогайте его! Пожалуйста!" Ли Синиан с трудом встал, пошатываясь, прошел несколько шагов, не обращая внимания на мучительно болевшее плечо и холодный пот на лбу, сжал камеру на автомате: "Не трогайте его...".

Динамик аппарата издал шелестящий звук, и Фан Дайчуань застыл на месте.

Голос, который невозможно различить между мужским и женским, слабо прозвучал: "Вечность, ты действительно подвела меня".

"Я не могу понять, почему ты все еще пытаешься быть остроумным в конце игры", - камера была направлена на лицо Фан Дайчуаня, и Фан Дайчуань, казалось, видел человека, сидящего за камерой, который хмурился и думал, как будто он неохотно объяснял за них ради их смерти: "Это игра, где человечность проверяется, и ты можешь выбирать только между собственной жизнью и жизнью других, если вы не на одной стороне, кто сказал тебе быть невезучим?".

Ли Синиан откинул колпачок ручки, держал ручку в руке вверх ногами. Опустил голову, казалось, смирившись со своей судьбой.

"Правильно, Вечность, убей его, не подведи меня. Вот что такое люди, мы - потомки Homo sapiens. За миллионы лет более сотни биологических видов были жестоко истреблены нашими руками. С самого начала злобная человеческая природа заложена в наших генах. Не бойтесь нести грех, мы все - слуги греха".

Ли Синиан поднял руку.

Фан Дайчуань подпрыгнул и крепко схватил перо, перо было обращено к шее Ли Синиана, всего в миллиметре от кожи. Пальцы Фан Дайчуаня были почти раздавлены, что показывало, какую силу использовал противник.

"Ли Сииан! Что ты мне обещал?!"

В этот момент Фан Дайчуань вдруг вспомнил многое.

Похожие фразы и высказывания, но Ли Сииан окончил школу по специальности "кино", а не "биология".

Три дня назад, на берегу моря, Ли Сииан посмотрел на океан глубокими глазами и сказал: "Мы - потомки Homo sapiens, в нашей крови жестокий ген убийства и истребления более сотни биологических видов". Это было более или менее похоже на то, что сказал босс.

В комнате полно косметики, но сигареты не приготовлены.

"Чем больше я об этом думаю, тем больше мне кажется, что босс, вероятно, великолепная и умная женщина".

Черда английских слов перед комнатой Ли Сииана: "Лучше царствовать в аду, чем служить в раю".

На фреске второго этажа, помимо битвы между богами и демонами, олицетворяющими справедливость и зло, гламурная леди Справедливость держит весы, ее глаза закрыты в глубокой задумчивости, а за спиной растут черные крылья летучей мыши.

"Когда умерла моя мать, я лично отправил ее в крематорий. Я смотрела на нее, на человека ростом 68 дюймов, зажатого в коробке размером с ладонь. В тот момент я думал только об одном предложении: "Мы подобны маслинам: только когда нас раздавливают, мы отдаем то, что в нас есть лучшего".

Картины, подписанные Вечностью, стенания отчаяния, Прометей, связанный на вершине горы, вздымающиеся морские волны, пшеничное поле с воронами, но есть и статуи собственной матери и греческой богини, олицетворяющей спокойствие и красоту.

"Он просит о помощи".

Латунный ключ, открывающий дверь на третьем этаже, символизирует звезду и аврору романтической встречи.

"Мои родители были гораздо более романтичными".

Есть еще много-много историй, но и этих подсказок достаточно.

"Ниан-гэ, - Фан Дайчуань выхватил ручку из его руки и тихо спросил на ухо, - твоя мать действительно умерла?"

<http://bllate.org/book/16082/1438707>